начальникъ и солдатъ и всѣ средніе между ними могутъ совершить такіе поступки, которые они никогда бы не подумали совершить при другихъ условіяхъ.

Но опьяненіе, испытываемое людьми при такихъ явленіяхъ, какъ парады, выходы, церковныя торжества, коронаціи, суть состоянія временныя и острыя, но есть другія--хроническія, постоянныя состоянія опьяненія, которыя одинаково испытываютъ и люди, имѣющіе какую бы то ни было власть, отъ власти царя до полицейскаго, стоящаго на улицѣ, и люди, подчиняющіеся власти и находящіеся въ состояніи опьяненія подобострастіемъ, для оправданія этого своего состоянія всегда приписывающіе, какъ это проявлялось и проявляется у всѣхъ рабовъ, наибольшее значеніе и достоинство тѣмъ, кому они повинуются.

На этомъ обманѣ неравенства людей и вытекающаго изъ него опьяненія власти и подобострастія и зиждется преимущественно способность людей, соединенныхъ въ государственное устройство, совершать, не испытывая укоровъ совѣсти, дѣла, противныя ей.

Подъ вліяніемъ такого опьяненія — одинаково власти и подобострастія — люди представляются себѣ и другимъ уже не тѣмъ, что они есть въ дѣйствительности,— людьми, а особенными, условными существами: дворянами, купцами, губернаторами, судьями, офицерами, царями, министрами, солдатами, подлежащими уже не обыкновеннымъ человѣческимъ обязанностямъ, а прежде всего, и предпочительно передъ человѣческими — дворянскимъ, купеческимъ, губернаторскимъ, судейскимъ, офицерскимъ, царскимъ, министерскимъ, солдатскимъ обязанностямъ.

Такъ, помѣщикъ, судившійся за лѣсъ, сдѣлалъ то, что онъ сдѣлалъ, только потому, что онъ представлялся себѣ не простымъ человѣкомъ, который имѣетъ такіе же права на жизнь, какъ и всѣ тѣ люди-крестьяне, живущіе съ нимъ рядомъ, а представлялся себѣ крупнымъ собственникомъ и членомъ дворянскаго сословія, и вслѣдствіе этого подъ вліяніемъ опьяненія власти чувствовалъ себя оскорбленнымъ притязаніями крестьянъ. Только отъ этого онъ, не взирая на тѣ послѣдствія, которыя могли возникнуть изъ его требованія, послалъ прошеніе о возстановленіи своего мнимаго права.

Точно такъ же судьи, присудившіе неправильно лѣсъ помѣщику, потому только и сдѣлали то, что сдѣлали, что они представляются себѣ не просто людьми, такими же, какъ и всѣ другіе, и потому обязанными во всѣхъ дѣлахъ руководиться только тѣмъ, что они считаютъ правдой, а подъ опьяненіемъ власти представляются себѣ блюстителями правосудія, которые не могутъ ошибаться; подъ вліяніемъ же опьяненія подобострастія представляются себѣ людьми, обязанными исполнять написанныя въ извѣстной книгѣ слова, называемыя закономъ. Точно такими же условными лицами, а не тѣмъ, что они суть на самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ опьяненія власти или подобострастія, представляются людямъ и самимъ себѣ и всѣ другіе участники этого дѣла отъ высшихъ представителей власти, подписывающихъ согласіе на докладѣ, отъ предводителя, набиравшаго въ рекрутскомъ наборѣ солдатъ, и священника, обманывавшаго ихъ, до послѣдняго солдата, готовящагося теперь стрѣлять въ своихъ братьевъ. Всѣ они сдѣлали то, что сдѣлали, и готовятся дѣлать то, что предстоитъ имъ, только потому, что представляются себѣ и другимъ не тѣмъ, что они суть въ дѣйствительности, - людьми, передъ которыми стоитъ вопросъ: участвовать или не участвовать въ дурномъ, осуждаемомъ ихъ совѣстью дѣлѣ, а представляются себѣ и другимъ различными условными лицами: кто царемъ-помазанникомъ, особеннымъ существомъ, призваннымъ къ попеченію о благѣ 100 милліоновъ людей, кто—представителемъ дворянства, кто—священникомъ, получившимъ особенную благодать своимъ посвященіемъ, кто—солдатомъ, обязаннымъ присягой безъ разсужденія исполнять все, что ему прикажутъ.

Только подъ вліяніемъ опьяненія власти и подобострастія, вытекающихъ изъ ихъ воображаемыхъ положеній, и могли и могутъ всѣ эти люди дѣлать то, что дѣлаютъ.

Не будь у всѣхъ этихъ людей твердаго убѣжденія въ томъ, что званія царей, министровъ, губернаторовъ, судей, дворянъ, землевладѣльцевъ, предводителей, офицеровъ, солдатъ суть нѣчто дѣйствительно существующее и очень важное, ни одинъ изъ этихъ людей не подумалъ бы безъ ужаса и отвращенія объ участіи въ такихъ дѣлахъ, которыя они дѣлаютъ теперь.

Условныя положенія, установленныя сотни лѣтъ назадъ, признававшіяся вѣками, и теперь признаваемыя всѣми окружающими и обозначаемыя особенными названіями и особыми нарядами, кромѣ того подтверждаемыя всякаго рода торжественностью, воздѣйствіемъ на внѣшнія чувства, до такой степени внушаются людямъ, что они, забывая обычныя и общія всѣмъ условія жизни, начинаютъ смотрѣть на себя и всѣхъ людей только съ этой условной точки зрѣнія и только этой условной точкой зрѣнія руководствуются въ оцѣнкѣ своихъ и чужихъ поступковъ.

Такъ вполнѣ душевно здоровый и старый уже человѣкъ только оттого, что на него надѣта какая нибудь побрякушка или шутовской нарядъ, ключи на задницѣ или голубая лента, приличная только для наряжающейся дѣвочки, и ему внушено при